

Марианна Бор-Паздникова

*Кирюхин
Ренессанс*

Марианна Бор-Паздникова Кирюхин Ренессанс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14342769

ISBN 9785447430863

Аннотация

Литература для юношества. Философия жизни от Ренессанса до наших дней. Книга может быть интересна для тех, кто увлекается живописью, кому интересен внутренний мир молодых людей, только встающих на свой путь поиска истины.

Кирюхин Ренессанс

Марианна Бор-Паздникова

© Марианна Бор-Паздникова, 2016

ISBN 978-5-4474-3086-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Антонио давно уже мучился сомнениями, так ли он живёт, не обман ли всё в этом мире. За себя ли выдают все эти предметы и события, или мы не понимаем их, искажаем суть. «Где, где та правда? – Он сидел посреди мастерской, на заляпанном краской табурете, в своей любимой позе: широко расставив костистые колени и опираясь на них уставшими руками. Длинные жилистые пальцы лежали на коленях, обнимая их. Ногтевая пластинка жёлтого цвета, не отмывалась от красителей. Голову он свесил вниз, упираясь подбородком в грудь. – Устал, Господи! Так устал! Где? Где та черта, до которой должен человек дойти, чтобы стало всё ясно и понятно, а жить просто и легко? – В мастерскую заглянул подмастерье и, увидев учителя в раздумье, исчез. Антонио уставился на пальцы ног, на взбухшие на ногах вены, – надо поделывать примочки – мелькнула мысль. – Опять заканчивается краситель, пора пойти на рынок. Никто, никто не может выбрать то, что мне нужно. Всё приходится самому. О, грехи наши тяжкие... Вот Никола, сколь умён, а кто его слушает?

Смотрел я в его перископ – много тайн он открыть может. Да кому это надо? И надо ли? Господи! Господи! Неужели напрасны труды наши?» – Он поднял голову и упёрся взглядом в полотно. Взгляд постепенно стал проясняться, становиться осмысленнее и строже. Наконец, он увидел точку, ту, единственную, где надо добавить охры... Он встал медленно и, не отводя от неё глаз, крикнул: «Жюли, охру...»

Мгновенно подскочил, ожидавший поблизости распоряжений, подмастерье.

Сделав мазок, Антонио отошёл и, окинув взглядом работу удовлетворённо кивнул. Нога фавна ожила, казалось, сейчас он пошевелит пальчиком. Всё реже Антонио был доволен своими работами, всё требовательнее к ним относился. Да, его полотна заказывали влиятельные лица, платили за них золотом, висели они во дворцах... Но, не этого хотел он.

Антонио сел и снова задумался. «Жизнь подходит к концу. Сколько ещё успею? И успею ли то что должен... А что должен? Кто знает ответ на этот вопрос... Что останется после меня миру? Эти полотна? А нужны ли они? Или это была моя прихоть всю жизнь писать...»

Хандра начала наваливаться с новой силой. Недовольство собой росло. «Надо уйти из мастерской, не ровен час не удержусь... Сколь уж полотно попортил».

– Антонио, друг мой! Как я рад тебя видеть! – в мастерскую широким лёгким шагом вошёл Никола.

Антонио поднялся, раскинул руки для объятия, но не об-

нял, боясь запачкать гостя. Подбежал подмастерье, помог снять рабочую тунику. Только после этого друзья обнялись.

– Как ты вовремя, Никола! Хандра гложет.

– Попутешествовать тебе надо, Антонио. Отвлечься от мрачных мыслей. Свежие впечатления настроят тебя на другой лад.

– Да разве от себя убежишь, Никола? Жизнь к концу подходит. Нет удовлетворения. Гложет душу. Гложет... Ты-то меня понимаешь, тебе могу сказать.

– Понимаю, Антонио. Но, наверняка есть место, куда тебе хочется поехать, да всё время не выберешь? Вот туда и поезжай... – Никола точно знал, куда Антонио стремился всю свою жизнь, да всё оправдывал себя занятостью. А вот, говорят в Риме выставка новых полотен английского художника.

– Английского? Эка хватил! Вот ещё новость... Не слышал. Совсем затворником стал. Не поехать ли нам туда вместе, Никола? Найдёшь немного времени для старого и нудного друга? И правда, сколько лет я не покидал мастерской? – Антонио осмотрелся. Стеллажи заставлены сухими красителями, готовыми красками. ... Сколько ночей не спал, всё искал пропорции, смешивал, красил... – Наверно, я попросту устал, ты прав, Никола. – Жюли, сколько ты лет у меня?

– Четыре, учитель.

– Надо же, четыре... Значит столько я не покидал этих стен, за исключением выхода на рынок за специями.

Может правда подумать об отдыхе? Перед глазами Анто-

нию мелькнули картины прошлого. Он путешествует. Проезжает пыльные итальянские деревеньки. Везде за ним бегут дети и собаки. Дети голодные и оборванные. Они тянут ручки, он бросает им деньги. Тот кому достался грош радуется, остальные бегут за ним в надежде что и им повезёт и богатый сеньор бросит ещё горсть монет. Так было во всех деревнях. Но, однажды... Долго бежал за ним мальчуган, повторяя одну фразу: «Senor, vi chiedo! Senor, vi chiedo!...». Антонио уже порядком отъехал от деревни, а оборвыш всё не отставал, пылил тонкими ножками по дороге из последних сил. Наконец, силы его кончились, он упал и не поднимался. Антонио приказал остановить повозку и вернулся к мальчишке, посмотреть жив ли. Мальчишка лежал, уткнув лицо в песок, плечи его вздрагивали, одна рука была сжата в кулачок, там были деньги, брошенные ему Антонио. Другая рука скребла песок с такой безысходностью, что Антонио не задумываясь подхватил на руки это лёгкое вздрагивающее, в худой одежонке тельце. Мальчишка заскулил и потерял сознание...

Подмастерье Антонио не был нужен, и он отправил мальчишку на кухню, да и забыл о нём. Но, через два месяца стал он замечать в мастерской странное. Кисти утром были чисто промыты, на стеллажах порядок какого никогда не было. Он к подмастерью, спрашивает – Ты? Тот только рот раскрыл от удивления, но головой кивнул.

– Поддай мне...

Не сразу нашёл он на полках, что попросил учитель.

Потом стал Антонио слышать «голос сверху». Только подумает, что взять со стеллажа, а голос уже подсказывает, где это стоит. Но всё-таки выловил. Прокрался ночью в мастерскую, а там «оборвыш с дороги» порядок наводит. Мальчишка окреп, глаза живым огнём светятся.

– Простите, синьор...

– Подойди... – Антонио сел на табурет посреди мастерской, как любил.

Мальчишка голову опустил, потом выпалил: «Возьмите меня в подмастерья! Только... денег у меня нет платить..., я по дому работать буду. Возьмите...»

– Родные есть у тебя? Почему ты бежал за мной?

– Нет никого. Ногти ваши увидел...

– Ногти? – Антонио поднёс ногти к глазам, разглядывая их. – Н-да... – Он трудится и трудится, и не задумывается о том, как выглядят ногти живописца.

– Откуда ты узнал про ногти?

– Я не знал, догадался. Когда я рисовал углем, ногти вбирали его в себя, а когда глиной – желтели...

– Ты рисуешь?

Мальчишка кивнул.

– Неси! – Антонио задумался, снова рассматривая свои ногти.

Мальчишка прибежал быстро, принёс на дощечке рисованную углем картину. Без труда узнал Антонио деревню,

где подобрал его. Живописно разбросанные по горе домики, стайки собак и детей.

– А второй?

Мальчишка потупился, но всё же протянул Антонио. Антонио увидел женскую головку с грустными глазами. Она была написана маслом.

– Ты мои краски воруеть? – он хотел рассердиться.

– Ни..., учитель! Это то, что с палитр оставалось.

– Кто это?

– Мама...

– Тебя как зовут?

– Жюли.

– Приходи утром, Жюли.

Мальчишка пал перед ним на колени, схватив руку, поцеловал её. Антонио почувствовал, что она стала влажной.

– Не плачь, Жюли. Каждому из нас дан дар Господом. Нет у нас права погубить его.

Утром он сказал ленивому подмастерью, что больше не нуждается в его услугах, художника из него не получится. Мальчишка заулыбался, склонил голову перед учителем. Он был рад, что его отпустили. Отец платил, чтоб его научили искусству живописи, но ему это было совсем не к душе. Краски, холсты, кисти. Годы тяжёлой кропотливой работы. Каких трудов стоит правильно холст натянуть... Чуть не так, картина испорчена и ясно это будет, когда исправить уже невозможно. А грунтовка? Учитель держит рецепт в секрете.

А покрытие? Чтоб на века... Чтоб не потрескались краски, не побледнели. Неет... Куда приятнее работать в саду, выращивать фрукты. Может быть, теперь отец всё же согласится, чтобы он стал садовником. Этот маленький Жюли, вот кто сможет стать великим живописцем. Как ловко он схватывает всё, что я не смог одолеть за три года. А всё отец... Сколько раз уж учитель отказывал, а он всё уговаривал...

За четыре года Жюли из маленького худосочного ребёнка превратился в стройного юношу. Взгляд его красивых, выразительных глаз всегда был направлен вглубь себя. Даже когда он внимательно слушал собеседника, он всегда видел что-то своё, недоступное никому другому, даже учителю, которого он боготворил.

– Никола, друг мой, как я рад тебя видеть!

– И я рад тебя видеть! Редко видимся. Кто знает, когда снова удастся, да и удастся ли.

– Ты уезжаешь? – они сидели неподалёку друг от друга.

– Да решил приступить к своей прямой обязанности, каноничеству. Там у меня будет хорошая возможность дальше проводить научную работу.

Антонио согласно закивал головой. Оба помолчали. Каждый задумался о своём.

– Никола, сколько я тебя знаю, ты всегда хорошо ладил с собой. Нет ли у тебя сейчас разлада в душе? Доволен ли ты своей жизнью? Правильно ли проживаешь её?

Никола наклонился вперёд, взял руки Антонио в свои, посмотрел ему в глаза.

– Все мы, друг мой что-то ищем, для этого и дана жизнь. Искать и находить.

– Хорошо. Ты занят серьёзной наукой, ты даже где-то противопоставляешь себя обществу, потому что хочешь изменить устои. И я верю, ты на правильном пути... Но, почему ты не захотел помочь Папе составить календарь? Почему ты отклонил его просьбу?

– С календарём и без меня справятся, – отмахнулся Никола.

– Только ли потому, Никола? – недоверчиво покачал головой Антонио.

– Не только, друг мой, ты всё верно понял. Нет у меня ни времени на это, ни другой жизни, чтобы сделать то, что должен сделать. И разлада у меня в душе нет, Антонио. Откуда? Если я думаю только об астрономии.

– А я думаю только о живописи, но мучаюсь. Твоя наука людям большую пользу сослужит, а моя что? Такие картины бедняк в доме не повесит. Нужны ли они кому-нибудь?

– Что с тобой, Антонио? Искусство – оноечно! Твои полотна – это дар Божий. Где ещё ты видел такие? Микеланджело? Рафаэль? Да! Все хороши! Но твои, твои куда как прекраснее.

– Никола, что ты!? Я многому научился у них, живя в Риме, не греши, брат, не греши...

– Да, я знаю! Но тебе удалось соединить в своём искусстве флорентийскую и северную живопись. Сколько жизни это придало! Сколько глубины! Антонио! Твои пейзажи так и дышат свободой. А портреты? Эта строгость, реалистичность в написании... Да разве предложили бы тебе быть придворным живописцем Ватикана, не будь ты достоин этого? – Он встряхнул его за руки, – я не узнаю тебя... Ты устал. Поезжай в свои края, вдохни другого воздуха. Грешно, Антонио. Грешно тебе, имеющему такой дар Божий, жаловаться на жизнь. Это твоё предназначение – должен исполнить.

Антонио нахмурился. Освободил руки. Похлопал Никола по плечу.

– Спасибо, друг мой, спасибо. Всё это я твержу себе сотни раз, а спокойствие не приходит. Может ты прав, отдохнуть надо. Видел ученика моего?

– Хороший парень. Видно, что смышлёный.

Антонио скривил губы, покачал головой,

– Не-ет..., он не просто смышлёный парень. В нём искра божия. Это дар! Да он уж больше меня умеет – понизил он голос до шёпота и наклонился к самому уху Никола, – Тсс... – приложил он палец к губам, – слух как у ..., – Антонио помахал рукой над головой, – мне иногда кажется, что он везде, – он снова понизил голос, – иногда кажется, что во мне, и смотрит моими глазами... Ты видел его глаза?

Никола кивнул,

– кажется, что в них затягивает, как в омут, как муху в те-

нёта, а сопротивляться не хочется.

– Во-от... А на днях... Захожу в мастерскую и что вижу?

– Что? – подался Никола вперёд.

– Жюли, – полуобернувшись, негромко позвал Антонио.

– Да, учитель! – Жюли вошёл, склонив голову в знак почтения к учителю и гостю.

– Пойди, друг мой, скажи кухарке, чтоб подавала нам обед.

Жюли молча кивнув, удалился.

– Захожу в мастерскую, – повторил шёпотом Антонио, – а улыбка стала другой...

– Как другой?

– Другой... – задумчиво повторил Антонио, так словно не Никола это говорил, а сам с собой разговаривал, – улыбка была несмело-наивной... А стала, стыдливо-наивной, – он медленно поднял вверх указательный палец.

Никола посмотрел на палец.

– Как же это!? Кто?

Антонио этим же пальцем показал туда, куда ушёл Жюли.

– Одна точка, один маленький штрих верно поставленный меняет весь портрет. Что же получается, я не на что больше не гожусь? – по старчески плаксиво, вдруг, произнёс он.

– Да ты что, Антонио! Ведь в этом твоя заслуга!

Разговор не прекращался и за обедом. Они дружили уже много лет, но редко доводилось им видеться и потому торопились обсудить всё, что накопилось в душе, тем более,

что на темы, которые обсуждали, могли они говорить только друг с другом. Время было опасное.

– Образование год от года становится скуднее, а казалось бы должно быть наоборот. Святые отцы запирают книги под замок. Монахам дают переписывать книги частями, чтобы они не знали её полного содержания. Мы закончили с тобой духовную семинарию, но я не разбираюсь во всех этих течениях, и уже махнул рукой. Кто против кого дружит? Как Папа во всём этом разбирается и знает кого на костёр, а кого на виселицу... – последние слова Никола произносил еле слышно, как известно и стены имеют уши.

– А ведь Бог-то вот он – Един! Кому, как не святым отцам это знать? Всё что не по ним выдают за ересь, а ведь это алчность, Никола. Алчность... И это не даёт мне покоя, а что делать? Сколько полотен пожгли, сколько рукописей... Варвары! – на последнем слове Антонио повысил голос.

– Да, а страдает наука... Ввели цензуру на научные труды. Невозможно найти, что надо, а найдёшь, так не выпросишь. Безвозвратно портят, затушёвывают целыми страницами. Варвары...

– Так, Никола, согласен, – Антонио удручённо кивнул головой. Их откровенный и опасный разговор был не нов, они привыкли доверять друг другу. – У нас тоже не всё гладко, как на холстах. Разные школы живописи превозносят себя, ругая других... В конце концов всё рассудит время. Может, нас всех будут восхвалять, а может, забудут и наши имена

и полотна, – Антонио опять посмурнел, – сколь трудов положено, неужели всё напрасно?

Ярче вспыхнули в камине дрова, осветив задумчивые лица. Никола был хорош собой. Антонио писал его портрет по памяти, времени на натуру у Николы не было.

– Я слышал, многие твои алтарные произведения уничтожили? – негромко произнёс Никола.

Антонио посмотрел наверх и перекрестился. Потом махнул рукой Никола, чтоб тот придвинулся ближе и произнёс беззвучно, одними губами: «Некоторые удалось спасти. Укрыли в монастыре надёжные люди», – и помахал рукой перед ними так, будто прятал и эти произнесённые слова. Никола прикрыл рот рукой, покачал головой, потом крепко пожал руку Антонио и снова покачал головой, показывая, как это было опасно. Антонио кивнул головой, поднял глаза кверху и снова перекрестился.

– А как девочки? – прервал он тишину.

– Девочки? – Никола оживился, – девочки хорошо! Барбара... Катарина... – он заулыбался при воспоминании о сёстрах.

– Рад слышать, – улыбнулся Антонио, – а знаешь, – упрямо вернулся он к волнующей его теме, – если следовать системе мира, по которой всё то сжимается, то расширяется, то я сейчас нахожусь в момент сжатия?

– Нет, Антонио. Наоборот, судя по твоему состоянию в регрессивном расширении, покое, неторопливом течении жиз-

ни... Когда начинается сжатие, скорость процессов увеличивается, события следуют одно за другим, убыстряясь. Представляешь пружину? Меньше диаметр вращения, быстрее проходишь круг.

– Понял, Никола... Значит всё в жизни закономерно? Взлёты, падения?

– Верно, Антонио! Не торопи события. Просто радуйся каждому дню. Для тебя сейчас время отдыха, осмысления. А пойдём-ка, друг мой, снова в мастерскую, позволь насладиться твоими новыми работами.

– Ну, что ж пойдём, – Антонио махнул рукой, вставая из-за стола.

Полчаса назад он ещё бесцельно бродил по улицам Москвы, а теперь стоял перед картиной Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Зашёл просто так, укрыться от назойливого мелкого насквозь промочившего его дождя. Почему именно сюда он и сам не знал. Может, замёрз, так что уже всё равно было куда идти. Кирюха по таким местам не любитель ходить. «Чо там разглядывать? Ходят прилизанные сверстники, разглядывают картины, кажется, их называют полотна...». Стоял не в силах оторвать взгляд от трагической сцены, изображённой на картине: Иван Грозный в чёрной монашеской одежде, крепко прижимает к себе полулежащего на полу сына и тщетно пытается остановить кровь, густой струёй текущую из раны. Лицо царя бледно, широко раскры-

тые, вылезавшие из орбит глаза почти безумны. Лицо царевича бескровно, полу-потухший взгляд не видит ничего вокруг, тело обмякло и отяжелело. Лишь левая рука в последнем усилии опирается на ковёр, да по мертвенно-бледной щеке катится последняя слеза...

«Что он его убил? Что так сложно всё в жизни?»

Ти-и-ти-ли..., ти-и-ти-ли... зазвонил телефон по ноге. «Мать... Что звонит? Вечно не вовремя...»

– Кирилл, ты опять не пошёл на учёбу! Отчислят же! Где ты ходишь?

– В картинной галерее – Кирилл немного картавил, у него получилось картинной гаререе.

– Где!? – голос матери из звеняще раздражённого стал приглушённо удивлённым.

– Стою вот... смотрю «Иван Грозный убивает своего сына» – в голосе Кирилла прозвучала лёгкая насмешка, он сделал акцент на слове убивает. – Лучше б ты меня вот так в детстве... – он не решился произнести «убила», – чем вот так жить, никому не нужным...

– Кирилл, зачем ты так говоришь, ты же знаешь...

Рука нажала кнопку отбоя. Не хотелось слышать этот вечно извиняющийся голос. В памяти всплыла пустая квартира. Один... Один... Снова один – мать на работе, старшие братья в школе...

Он смотрел в глаза царя, убившего своего сына. Хотел прочитать его мысли...

Представил, как будет убиваться мать, если его не станет... Судорожно сглотнул. Такие мысли посещали его последнее время всё чаще. «Обрыдло всё. Кирилл, как дела? Какие планы? Что тебя интересует? А нет у меня никаких планов! Никто не может ответить мне в чём смысл жизни. Тебе надо учиться. Мы тебя любим... Да пошли вы все...» Он снова глубоко вздохнул, жалея себя. И опять стал всматриваться в глаза Ивана Грозного, будто там были ответы на все не дававшие ему покоя вопросы. И именно там он найдёт ответ о смысле жизни.

«Как же они так рисовать умудряются? Может мне попробовать... Вон, Данька рисует. Ходит в какую-то студию... Слова умные говорит – кобальт, охра...»

– Молодой человек, через пятнадцать минут закрываемся.

Кирилл отстранённо глянул на небольшого росточка, худенькую смотрительницу зала.

– Чо?

– Закрываемся, говорю...

– А-а-а...

– А Вы так долго перед картиной стоите. Беспокоит Вас что-то? – в голосе её он уловил скрытое участие.

Кирилл молча махнул рукой и отправился к выходу из зала, но, не дойдя до него, неожиданно для себя развернулся и подошёл к женщине.

– А Вы давно здесь работаете?

– Всю жизнь. А ты рисуешь?

– Нет. Что Вы...

– Обычно долго перед картинами стоят ученики художественных школ. Рассматривают, как краски положены, как свет передают...

Кирилл вздохнул...

– А ты приходи завтра снова. Меня Марья Николаевна зовут. Скажешь что ко мне. Я тебе расскажу про картины. Звать-то тебя как?

В глазах Кирилла мелькнул огонёк жизни.

– Кирилл. Я приду. Наверное, приду. Спасибо.

Из картинной галереи Кирилл выходил с улыбкой. Дождя не было. Вечернее солнце пробивалось сквозь рыжеватую осеннюю листву... Охра..., – засмеялся Кирилл и вздохнул глубоко и радостно.

Дверь квартиры старался открыть, как можно тише, чтобы незаметно прошмыгнуть в свою комнату. Не удалось. Мать встретила в прихожей.

– Кирюша...

– Привет, – буркнул Кирилл, не глядя на мать. Блуждал глазами по коридору, будто ищет, где оставил тапки. – Только не начинай, мать... Пойду я завтра в колледж.

– Кирюша, а я только ужин приготовила, ты голодный же... Целый день неизвестно где....

– Мать... – Кирилл хотел нагрубить, но почему-то вспомнил Марию Николаевну и, смягчившись, произнёс, – не неиз-

вестно где, а в картинной галерее. Я же говорил.

– Целый день, Кирюша? – вопрос прозвучал несмело и со скрытыми нотками то ли радости, то ли надежды...

– Снова пойду, – вместо ответа выпалил Кирилл, ему хотелось поделиться своей радостью, – Марья Николаевна пригласила.

– А кто это, Кирюша?

– Смотрительница, там, в одном зале... Думала я в художественной школе учусь, – Кирилл снова улыбнулся, который уже раз за этот день.

– А почему она так подумала? – и, испугавшись, как бы вопрос не обидел, засуетилась, заторопилась продолжить, – наверное, ты как-то по-особому рассматривал картины?

– Ну, да... – засмеялся Кирилл, – налей ещё супу, ма..., проголодался...

– Сейчас, сынок, – она торопливо отвернулась, чтобы он не заметил, навернувшихся слёз...

«Господи, Боже наш, спаси и сохрани сына моего, раба божьего Кирилла...» – долго стояла она на коленях перед божницей, перед тем как лечь в постель.

Утром, как всегда не вовремя и слишком назойливо зазвенел будильник. Кирилл не пошевелился.

– Кирюша, будильник прозвенел, – приоткрыла дверь в комнату мать, – Слышишь? Я ушла, ты не проспай...

– О-о-о!... – Кирилл накрыл голову подушкой. Стало

жаль себя. Организм просыпаться не хотел, всё в нём сопротивлялось... Кирилл начал погружаться обратно в сон, – щас, щас..., ещё минутку и встану-у... – успела мелькнуть мысль. Ему казалось, он контролирует себя.

Проснулся Кирилл, когда солнце стояло высоко. Открыл глаза и понял, – Проспал! Опять проспал! Опять пропустил колледж... – Сразу появилось раздражение на жизнь, на себя, на мать... – Ну, почему всё надо делать по часам? Как кто-то придумает, так и делай! Почему нельзя жить по своему распорядку? – Кирилл пнул тапок и отправился на кухню босиком.

На столе стоял остывший завтрак, приготовленный матерью.

– Во-от... опять вечером поучать будет, а потом плакать и молиться... – Кириллу было плохо. Недовольство росло, давило на него, опутывало, паутиной. – Хотел же пойти на учёбу, – оправдывал он себя, – Даньку надо было повидать, расспросить про краски, чтоб не лохом перед Марь Николаевной предстать, хоть какое-то умное словечко вернуть. Она-то сколько знает... Всю жизнь в картинной галерее проработала! А я!? Не знаю, как закончить среднее образование... И на фига оно нужно! Может мне рисованием заняться? Картины продавать... – Кирилл мечтательно притих, представляя, как продаёт картины.

Ти-и-ти-ли, ти-и-ти-ли...

– Мать... Ну, всё щас начнётся... Лучше не отвечать. –

Настроение опять ухудшилось. – Что в этом дурацком колледже нет второй смены, как раньше в школе было...

Кирилл бродил по улицам. Сегодня делать это было приятно, солнце ласкало последним осенним теплом... Ноги сами привели в Лаврушинский переулок.

– Здррасьте... Я к Марь Николаевне... Можно пройти?

– А ты кто такой? – охранник смотрел не очень приветливо.

Кирилл растерялся, денег на билет не было.

– Что случилось? – подошёл ещё один охранник, постарше.

– Да вот... Пропусти говорит к Марье Николаевне...

– Ну и пропусти! Она приглашала тебя? – мягко спросил он Кирилла.

Тот кивнул. – Как звать-то тебя?

– Кирилл.

– А меня Никодим Петрович. Будем знакомы, – улыбнулся он, – ну, иди, Кирилл, иди...

– Спасибо! – Кирилл махнул рукой в знак благодарности и почти побежал, чтобы не заметили, что он готов заплакать.

– Что ты? – Никодим Петрович постучал себя по лбу костяшками согнутых пальцев, – не видишь проблемы у парня? У неё глаз намётан... Раз пригласила, пропусти...

– Я откуда знал, – огрызнулся молодой охранник.

– Так знай! – и, хлопнув его отечески по плечу отошёл.

В зал, где «Иван Грозный убивает своего сына», Кирилл вошёл неторопливо, с серьёзным лицом. Но, увидев в уголке зала на стуле, знакомую маленькую фигурку Марьи Николаевны, не удержался и широко заулыбался, направляясь сразу к ней.

– Здравствуйте, Марь Николаевна! А я тут мимо проходил...

– Здравствуй, Кирилл! Имя у тебя хорошее. В честь равноапостольного Кирилла... Азбука-то знаешь ли почему кириллицей названа?

Кирилл растерялся. «Чо я припёрся? Красней теперь стой...»

– Кирилл, да ты не тушуйся, я жизнь прожила, потому и много знаю. И ты в моём возрасте будешь знать много, ещё больше чем я, – улыбнулась Марья Николаевна.

– Почему Вы так думаете? Я и в колледж сегодня опять не пошёл... – Кириллу почему-то хотелось ей это сказать. – «Пусть уж разом узнает, что я такой... не грамотный».

– А потому, Кирилл, что век сейчас очень информативный. Сколько информации в интернете найти можно! То что раньше только в библиотеках, архивах... Да ещё доступ получи, да поройся там месяц-другой...

– Значит, Вы считаете, интернет это хорошо?

– Конечно! Если пользоваться с умом.

– А я ночами в интернете... А утром проснуться не могу.

Поставили компьютерную зависимость...

– Да какая зависимость, Кирилл! Если ты это понимаешь, то и справиться сможешь. У меня вот тоже зависимость, – засмеялась Марья Николаевна, – я без этого, – она широким жестом указала на картины, – не могу... Они жизнь моя.

– А как они могут быть жизнью, Марь Николаевна? Посмотрел их раз, другой и всё... Надоест же всю жизнь одно и тоже смотреть.

– Кирилл, а ты знаешь, что каждая картина свою жизнь проживает? У каждой своя история! Как у человека – нет двух одинаковых судеб.

– Нет, Марь Николаевна... Я никогда об этом не думал.

– Картина, которую ты выбрал... Она имеет очень богатую историю. И может быть по тому, так привлекла тебя. Ведь как появляется картина? Задумывался ли ты когда-нибудь об этом?

– Ну, как... Захотел художник и нарисовал.

– Так-то так, да не совсем... Смотри-ка...

Первое – задумка художника. Но, почему он задумал именно этот сюжет, а не другой? Уже история!

Второе – место сюжета...

Третье – подбор цветов, краски...

Четвёртое – типаж персонажей.

Пятое – историческая правдивость...

Это всё подготовка к рождению картины. Потом само рождение. Оно бывает быстрым, светлым, радостным...

а бывает мучительным.

– А если светлое, радостное – это лёгкое её рождение, значит, картина исторически правдива?

– Не-ет... – Марья Николаевна пытливо глянула Кириллу в глаза, – Не всегда. Порой правдивость бывает ох, как мучительна, а бывает мука не имеет оснований.

– Как же тогда, Марь Николаевна, различить где в жизни правда, а где нет... – Кирилл вздохнул.

– Со временем, Кирилл, учится человек различать это. На это порой вся жизнь уходит.

– Так в этом что ли смысл жизни, Марь Николаевна?

– Не-ет, смысл жизни, Кирилл, в самой жизни. А жизнь нас всему научит.

– А после рождения картины, какая у неё жизнь? Повесили и виси... А как Вы думаете, – осенила Кирилла мысль, – картины чувствуют людей? Кто как на них смотрит? Кому нравится картина, а кто безразлично мимо пройдёт?

– Да, Кирилл, вопросы у тебя не простые... – Марья Николаевна покачала головой, – другие всю жизнь к ним идут, а ты видишь какой...

– Какой? – Кирилл внутренне напрягся.

– Чувствительный, думающий, анализирующий...

– Марь Николаевна, а за что Иван Грозный убил своего сына?

– Да, вот какое дело, Кирилл, не убивал он его.

– Ка-ак!? А картина!?

– А вот так! Вот тебе и жизнь картины. Правда и вымысел... А знаешь что, Кирилл, это рассказ длинный... Я завтра на дачу еду, приглашаю тебя с собой.

– А можно!? – Кирилл был польщён.

– Конечно! Правда, есть небольшая проблема, – Марья Николаевна прикрыла глаза, чтобы Кирилл не заметил мелькнувший в них огонёк.

– Какая?

– Электричка очень рано идёт, трудно тебе встать будет...

– А во сколько, Марь Николаевна?

– В шесть тридцать, с Ярославского вокзала.

– А-а-а... – Кирилл махнул рукой, – встану... Я знаете, работал в ночные смены, так и вообще не спал – и засмеялся, – хитрая Вы...

– Ма... – ворвался он в прихожую, – я завтра на дачу еду к Марь Николаевне, мы договорились.

– Кирилл! А учёба?

– Мам, она мне столько за один раз интересного рассказала, сколько я за год в колледже не узнал. А потом, суббота же завтра.

– Что она тебе рассказала?

– Про картины, про жизнь их...

Они разговаривали стоя в прихожей. Мать задумчиво теребила в руках тряпку, с которой выскочила из кухни на зов Кирилла. «Отпустить или нет? Не отпущу, опять замкнётся

в себе. Щас хоть разговаривать со мной начал... Может, образумит она его, и на учёбу начнёт ходить...»

– Кирилл, ей может быть помочь что на даче надо, так ты помоги. А что если и мне поехать? И я чем помогу...

– Да, нет, мам, это неудобно, она же только меня пригласила. – Кирилл всё ещё стоял в кроссовках и куртке, будто уже сейчас уезжает на дачу, а не завтра утром.

– Ты раздевайся, сынок. Что ты стоишь?

– Ма, а кто мне такое имя дал? Почему? Марь Николаевна говорила, равноапостольный Кирилл, и в честь него вроде азбука названа кириллицей. А как понять равноапостольный?

– Кирюша, ты знаешь, что у Иисуса было двенадцать апостолов, которые проповедовали его учение, христианство.

– Помню, бабушка мне рассказывала, когда маленький был.

– Равноапостольным называют святого, которого церковь по его заслугам чтит также, как апостолов. Кирилл и брат его Мефодий усовершенствовали славянскую азбуку, которую и стали называть кириллицей. Ты посмотри в интернете, там должно быть про него.

– Да уж... Имя то не подходит мне, ма... Надо было тебе по другому меня назвать, – хмыкнул Кирилл.

После ужина Кирилл торопливо открыл крышку компьютера. Набрал в поисковике – равноапостольный Кирилл. Вы-

скочило почти триста тысяч ответов. «Ого, интересуется народ...» Кирилл поводил стрелкой по ссылкам, щёлкнул по одной.

«Святой равноапостольный Константин (Кирилл) родился в г. Солуни в 827 году. Семи лет от роду Константин видел сон и рассказал его отцу и матери, в следующих словах: «Воевода, стратиг нашего города, собрал всех девиц города и сказал мне: «Выбери себе из них кого хочешь на помощь и в сверстницы себе». Я, оглядев, посмотрел их всех и заметил одну, прекраснейшую из всех, с лицом светящимся, украшенную многими золотыми монистами и жемчугом и украшениями; имя ей было София. Её я избрал». Родители поняли, что Господь даёт отроку Деву Софию, т. е. Премудрость, возрадовались духом и со старанием стали учить Константина не только книжному чтению, но и Богоугодному добронравию – премудрости духовной. «Сын, – говорили они Константину словами Соломона, – чти Господа – и укрепиишия; храни заповеди – и поживеши; словеса Божии напиши на скрижали сердца своего; нарицы (призови) Премудрость сестру тебе быти, Разум же знаемь (т. е. близким, родным) сотвори себе (Притч. 7, 1—4). Премудрость сияет светлее солнца, и если её будешь иметь своей помощницей, она избавит тебя от многого зла». – Кирилл перечитал дважды этот отрывок. Про Веру, Любовь, Надежду и мать их Софию он знал, тоже от бабушки. Для него они были библейскими легендами не более. Никогда он не верил в то, что

так могло быть на самом деле. Теперь же Кирилл совершенно по-другому отнёсся к тому, что читает о святом Кирилле. Сомнений, что он жил и с ним всё это происходило, не было. Какие уж тут сомнения, вот она – азбука, существует, и миллионы людей ей пользуются.

...Будучи отроком он изучил Гомера, геометрию, диалектику и философию под руководством логофета дрома Феоктиста и будущего Патриарха Фотия. Ещё в юности Константина называли Философом. Кроме того, он изучил риторику, арифметику, астрономию, музыкальное искусство и другие светские науки, а также знал языки латинский, сирийский и другие. — Кирилл покачал головой, – ну и ну... Я не знаю, как колледж закончить, а он столько наук одолел... От чего зависит способность к обучению? Надо у Марь Николаевны расспросить.

...Когда Константин был возведен в иерейский сан, его одновременно поставили библиотекарем при храме Святой Софии. Вот от этого-то избранника Софии и получило своё начало Русское Православие.

Не всё Кириллу было понятно, но он упрямо, иногда перечитывая дважды, иногда возвращаясь к началу текста, читал дальше.

Апостольская миссия у славян была для святого Кирилла вершиной подвига, к которому он был подготовляем Промыслом Божиим и Святой Софией всю жизнь.

В 851 году святой Кирилл по повелению императора от-

правился к сарацинам, чтобы доказать им истинность христианского учения о Святой Троице. Это было первое миссионерское путешествие святого, совершённое им в 24 года.

Святой Кирилл так умело отстаивал истинность православной веры и так обличал ложность учения мусульман, что сарацинские мудрецы, не зная, что ему отвечать, пытались отравить святого. Но Господь сохранил Своего раба невредимым.

В 862 году от моравского князя Ростислава пришли в Царьград послы с просьбой прислать христианских учителей. Выбор императора пал на святого Кирилла, подготовленного Промыслом Божиим к тому времени к великой миссии среди славянских народов. Несмотря на болезнь, святой Кирилл с радостью взялся за исполнение послушания. Как и всякое дело, он начал подвиг просвещения славян с молитвы, а затем наложил на себя сорокадневный пост. В скором времени Бог, слушающий молитвы рабов своих, исполнил то, о чём просил Его верный слуга: святой Кирилл составил азбуку для славян (глаголицу), а затем с помощью брата и учеников продолжил перевод греческих Священных Книг на славянский язык. Первой переведённой святым Кириллом книгой было Евангелие от Иоанна. Была переведена также Следованная Псалтирь (включавшая тексты тропарей и кондаков праздников и святых), различные тексты Священного Писания и Богослужебных книг. Этот славный подвиг свя-

того Кирилла явился основой великого дела приобщения славян к христианской вере и культуре. С тех пор для славян настала новая жизнь, явилась возможность самобытного духовного развития под благотворным действием проповеди и Богослужения на родном славянском языке.

Борьба святого Кирилла за самостоятельность славянских народов усложнялась тем, что дело просвещения славян было начато в Моравии – стране, находившейся под римским влиянием. Немецкие священники, стоявшие во главе христианских церквей в Моравии, всячески препятствовали введению Богослужения на славянском языке, считая, что оно должно совершаться только на трёх языках: еврейском, латинском или греческом. Святые Кирилл и Мефодий, обличая их неправду словами Священного Писания, неутомимо готовили служителей новой Церкви. Под руководством святых братьев Моравский князь Ростислав начал постройку храмов и собрал много отроков для обучения славянской азбуке и чтению переведённых книг. В короткое время святой Кирилл со своими учениками перевёл церковное чинопоследование и ввёл в обиход все Богослужения по уставу. Этим было положено начало образованию самостоятельных славянских Церквей.

Но враги дела просвещения славян продолжали им препятствовать: они донесли на святых Кирилла и Мефодия папе Римскому Николаю I, обвинив их в ереси. Папа вызвал святых братьев в Рим. Взяв с собой часть мощей священно-

мученика Климента, они отправились в новое путешествие, очень неблагоприятное для здоровья святого Кирилла. Путь их лежал через славянские земли. В Паннонии, по просьбе князя Коцела, они обучили его и 50 юношей славянской азбуке. При прощании князь хотел одарить святых проповедников. Но святые Кирилл и Мефодий не пожелали взять от Коцела, так же, как и от Ростислава Моравского, ни серебра, ни золота. Евангельское слово они проповедовали безвозмездно и только испросили свободу у обоих 900 греческим пленникам.

Перед прибытием святых в Рим умер Папа Николай I. Новый Папа Адриан II был настроен к святым братьям дружелюбно и встретил их торжественно, тем более, что они несли мощи священномученика Климента. Папа Адриан II признал славянский язык в Священном Писании и Литургии, однако отпустить братьев для дальнейшей проповеди в славянские земли не спешил...».

Да... Святыми просто так не становятся... – Кирилл покачал головой, – я и, читая, много чего не понял. Как он со всем этим справлялся? Интересно, кто это всё пишет? Откуда берут? Надо расспросить Марь Николаевну, – и едва коснувшись головой подушки, он мгновенно провалился в глубокий сон.

Утром, не выспавшийся, но довольный Кирилл бежал по эскалатору метро, всем своим видом показывая, что он

торопится, что у него какое-то очень важное дело.

За окном электрички мелькали станции...

Кирилл всё охватывал цепким взглядом, старался, не упустить не одной детали... Всё казалось значимым. Впервые его пригласили в гости на дачу, да не сверстник, а старший научный сотрудник, искусствовед-эксперт отдела экспертизы ГТГ. Это Кирилл узнал, порывшись в интернете. И потому был польщён и удивлён ещё больше, что такой человек обратил внимание на него, ничего из себя не представлявшего мальчишку. Мальчишку, которому кажется, что он не найдёт своё место в жизни, что он никому не нужен и потому его гнетёт такая жизнь. Он только не мог понять пока, в силу своего возраста, что ему так трудно, оттого что он мало знает, что сопротивляется знаниям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.